
ФИЛОСОФИЯ ГЛОБАЛИЗМА: СЦЕНОГРАФИЯ НОМО АЕСТИМАТОР*

Ильин В. В., Кокоева И. А., Родин П. Н., Шафигуллина Т. В.,
Яловенко Я. В.**

На основе рефлексии традиционного типа глобальной организации общечеловеческого обмена деятельностью авторы обосновывают необходимость его кардинальной перестройки. Суть в том, что доктрина новой онтологии обогащает философское учение бытия новой роли антропоного фактора; последний оказывается ресурсом порождения неведомого прежним эпохам родоводной истории типа действительности – открытого в поле проекта бытия-трансформера. Тотальная замена фюсис-технэ, имеющего начало «в себе», на имеющее начало «в ином» актуализирует проблему компетенций fabricator mundi, автоматически не решаемую. Действительно, насколько соот-

* *Для цитирования:* Ильин В. В., Кокоева И. А., Родин П. Н., Шафигуллина Т. В., Яловенко Я. В. Философия глобализма: сценография homo aestimator // Век глобализации. 2024. № 1. С. 22–34. DOI: 10.30884/vglob/2024.01.02.

For citation: Ilyin V. V., Kokoeva I. A., Rodin P. N., Shafigullina T. N., Yalovenko Ya. V. The Philosophy of Globalism: Homo Aestimator Scenography // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2024. No. 1. Pp. 22–34. DOI: 10.30884/vglob/2024.01.02 (in Russian).

** Ильин Виктор Васильевич – д. ф. н., профессор Калужского филиала ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана (национальный исследовательский университет)»; профессор ФГБОУ ВО «Государственный университет просвещения». E-mail: vvilin@yandex.ru.

Viktor V. Ilyin – Dr. Phil., Professor of the Kaluga Branch of the Bauman Moscow State Technical University (National Research University); Professor of the State University of Education. E-mail: vvilin@yandex.ru.

Кокоева Ирина Александровна – ассистент ФГБОУ ВО «Государственный университет просвещения». E-mail: kokoeva@mail.ru.

Irina A. Kokoeva – Assistant of the State University of Education. E-mail: kokoeva@mail.ru.

Родин Павел Николаевич – к. ф. н., доцент ФГБОУ ВО «Государственный университет просвещения» E-mail: pn_rodin@mail.ru.

Pavel N. Rodin – Ph.D., Associate Professor of the State University of Education. E-mail: pn_rodin@mail.ru.

Шафигуллина Татьяна Владимировна – к. и. н., доцент Калужского филиала ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана (национальный исследовательский университет)». E-mail: tania56_09@mail.ru.

Tatyana V. Shafigullina – Ph.D. in History, Associate Professor of the Kaluga Branch of the Bauman Moscow State Technical University (National Research University). E-mail: tania56_09@mail.ru.

Яловенко Яна Викторовна – к. э. н., доцент Калужского филиала ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана (национальный исследовательский университет)». E-mail: yana2307@rambler.ru.

Yana V. Yalovenko – Ph.D. in Economics, Associate Professor of the Kaluga Branch of the Bauman Moscow State Technical University (National Research University). E-mail: yana2307@rambler.ru.

ответственно естественное искусственному? Насколько согласованы «первая» и «вторая» природа?

Не вдаваясь в оценку принадлежащих истории взглядов, авторы озадачиваются принципиальным: имеются ли унитарные начала творения нерукотворной и рукотворной материи? Как показывается в статье, такие начала есть, и это – законы гармонии, симметрии, ладности, пропорциональности, – красоты.

Красота в «первой» и «второй» природе – показатель качества формообразовательного процесса, выступающего гарантом совершенства выпускаемого продукта.

Ключевые слова: планетарный кризис, ненасильственный миропорядок, homo aestimator, антропный фактор, глобальные явления.

THE PHILOSOPHY OF GLOBALISM: HOMO AESTIMATOR SCENOGRAPHY

Based on the reflection of the traditional type of global organization of the universal exchange of activities, the authors justify the need for its fundamental restructuring. The point is that the doctrine of the new ontology enriches the philosophical doctrine of being of a new role of the anthropic factor; the latter turns out to be a resource for generating a type of reality unknown to the previous epochs of ancestral history – a being-transformer project opened in the field. The total replacement of the fuisis-techne, which has its beginning “in itself”, with the beginning “in another” actualizes the problem of fabricator mundi competencies, which cannot be solved automatically. To what extent is the natural correspondent to the artificial? How much correspondingly natural to artificial? How consistent are the “first” and “second” natures?

Without going into the assessment of the views belonging to history, the authors are concerned with the fundamental question: are there unitary principles of creation of not man-made and man-made matter? As shown in the article, there are such principles, and these are the laws of harmony, symmetry, harmony, proportionality, that is beauty.

Beauty in the “first” and “second” nature is an indicator of the quality of the form-building process, which is a guarantor of the perfection of the manufactured product.

Keywords: planetary crisis, nonviolent world order, homo aestimator, the anthropic factor, global phenomena.

Самосознание современной культуры пропитано тревожными мотивами всеохватной кризисности. Речь не об экологических, общественных, этнических, конфессиональных, державных коллизиях текущего развития, индуцирующих острейшие диспропорции, дисфункции, деформации цивилизационного существования. Дело намного сложнее. Внимательная оценка происходящего обнаруживает капитальную подспудную основу конфликтности нашей эпохи, состоящую в лишении нас прочного всечеловеческого места.

Восхождение к общему понятию, генерализирующему ситуацию частных, пронизывает убеждение утраты жизненной устойчивости, крепости родового самостояния вследствие эрозии человечности: за 25 веков прогрессивного вовлечения, участия взятый как целое человек внутренне изнашивается. Ни каждый из нас

в отдельности, ни все вместе, мы не можем более руководствоваться заветом матери Орфея, поучавшей сына: «Пой без оглядки».

Оглядка – крайнее внимание, осторожность в действиях, взыскательная рефлексия собственных поступков, сверка их действительных и возможных эффектов с моделью потребного. Оглядка, сопряженная с ней оговорка словно резвятся между контрастами, по выражению Т. Манна, не спешат встать на чью-либо сторону и принять решение: ибо полны «предчувствия, что в больших вопросах, где дело идет о человеке, любое решение может оказаться преждевременным» [Манн 1960]. Без оглядки, оговорки с непадением в пресловутое «историческое увражье» (Гончаров) на антропогенной фазе ответственного миротворчества обойтись невозможно, что и подводит к общеполитическому толкованию современного времени как аксиологически ориентированного [Ильин 2022].

Именно так: наш XXI век – век вразумляющей аксиологии, обеспечивающей всестороннее ценностное оправдание «роевой» деятельности, где вера в «потом» кристаллизуется выработкой явного, ясного понятия, по каким звездам, как жить [Ортега-и-Гассет 1991].

Выдвигаемый нами рабочий тезис заключается в утверждении: наличная доктрина социально-политической глобализации должна быть отредактирована в терминах родовой аксиологизации, демонстрирующей приоритетность не «интереса», но «судьбы» в самоутверждении нового носителя субъектности, – паушально: не *homo viator*, но *homo aestimator* [Ильин 2017].

Строго говоря, эмпирическая констатация типа «высшие благороднейшие ценности ушли из общественной жизни» [Вебер 1990] не фиксирует видоизмененный переживаемого. Некий параценностный антураж объективистской формы освоения действительности задал еще Гераклит, осуществивший многозначительный поворот от теологии к космологии, согласно которому боги отныне перестали иметь касательство к миру. Вначале – природному с прекрасно верифицируемой картиной натуралистической методологии и технологии научно-исследовательской деятельности. Затем – общественно-политическому с не менее прекрасно верифицируемой картиной инструментальной методологии и технологии властно-управленческой деятельности [Ильин 2020].

Суть в расстановке генологических акцентов (с легкой руки Гераклита) в стремительно укоренявшейся новой космологической модели мира как десакрализованного универсума. Отныне *epitheton ornans* реальности стало, если использовать слог П. Тиллиха, отсутствие «предельной заботы о высших смыслах». (Обращаем внимание на почти буквальное совпадение фигур атрибуции нужного нам явления: представители разных философских течений солидарны в нажимах на знаменательную утрату «высшего».)

В критико-аналитическом измерении последнее суть (рычагами сциентизма, техницизма) выхолащивание из картины действительности щепетильного флера *humani generis*; или, как подчеркивал М. Вебер, – расколдование мира.

Разволшебствование сущего в наши специфические гуманитарно дефицитные бесчувствием блаженные дни производится рафинированными приемами «освобождения от человечности», невзирая на сопротивление «внутреннего противника». Здесь:

– *денатурализация*: своеобразная рекультивация архаичных мифологем эндогенной трансформируемости природных субстанций (исходно – мифы о Дионисе,

Озирисе, Сабазии, Адонисе и др., в последующем – учение о трансмутации), некогда вытесненной платформой «фюсис».

В досовременные времена противоестественное «сверхприродное» заменялось естественным «природным»; современность тщится обозначать реверсивный ход от естественного к противоестественному – сомнительные эксперименты по смене пола (с потенциально впадающими в дереализацию, депривацию, фрустрацию детрансами); поощрение суицидальных тенденций (с печально отличающимися на данном порочном поприще Канадой, Швейцарией), асексуальности (Нидерланды, Великобритания), безбрачия (Франция, США), чайлдфри (многие страны Запада). Лишаясь природных корней, аутентичного естества, человек обретает облик самонадеянного искусственно выводимого гомункулуса;

– *деиндивидуализация*: инкорпорация в большое общество тоталитарных инструментов обмена деятельностью с подавлением самости встраиванием в жесткую регламентацию интеракции (отточенную опытом пандемии) – свертывание «живых» контактов, рост закрытости, распад антропоемких поведенческих ландшафтов с планетарной опасностью тлетворного постгуманизма [Ильин 2022];

– *десоциализация*: оборотная сторона деиндивидуализации, как ни странно, – десоциализация, маркируемая столь тревожной тенденцией, как всплеск нарциссизма. Человек только там действует как человек, где «занят общественной деятельностью», – выводит К. Маркс [Маркс, Энгельс 1974]. С состоянием душевной горечи констатируем: в наши интерактивные дни человек стремительно утрачивает способность отдаваться заботам общественным. Магистраль традиционной социализации с атрибутивными ей механизмами интенсивного вовлечения, участия, инкорпорации в коллективное дело сугубо блокирует плотина абсентеизма, капсулизации, самоизоляции.

Эрозионные впадины социализации просматриваются во всех капитальных отсеках антропозодчества, но крайне демонстративно – в кругу семьи, трансформирующейся в причудливый симбиоз контрагентов (!) в утрировании не «нежных чувств», но партнерства (в ряде стран ЕС мать с совершеннолетия не считается для детей родственником; мы уже не обсуждаем перверсию однополых «браков»); семья утрачивает важнейшую общественную роль малой группы сплоченных близких родственников, осуществляющих воспроизводство рода, интернализацию норм, первичную социализацию членов общества;

– *деполитизация*: кризис лидерства, деградация властных элит (ряд снижающих параллелей в репрезентативной французской правящей группе: Ш. де Голль, Ж. Помпиду, Ф. Миттеран, Ж. Ширак – Н. Саркози, Ф. Олланд, Э. Макрон); нарастание апатии в электоральных средах, утрачивающих надежды на выражение заявляемых интересов проводящими консолидационный курс народными слугами.

В классической социально-политической рефлексии отмечается фазовый переход первого рода от олицетворения властной «субстанции» к «функции» (эгоистический функционализм); в неклассической постмодернистской рефлексии подобного типа отмечается идентичный же фазовый переход от «субстанции» к «симуляции», «имитации», фиксирующий жалким «подобием»: «Кеннеди погибли, – указывает Ж. Бодрийяр, – так как воплощали... политическую субстанцию, тогда как... последующие президенты были лишь... карикатурой» [Бодрийяр 2015]. С Гераклита боги перестали влиять на мир, с современности народы

перестали влиять на политику – характерные инновационные сдвиги в перво- и второприродной космологии. На фоне очевидного кризиса призванных поддерживать, укреплять дух безопасности, сотрудничества в межгосударственных отношениях международных организаций (прежде всего ООН) уже не замышляется новый «вселенский дом» [Бубер 1995], предводительствуемый синклитом председателей земного шара (наивные проекты позитивистов, футуристов – «совет мира» [О. Конт], «управители человечества» [В. Хлебников]);

– *дегуманизация*: вырождение высоких, глубоких начал человечности вследствие не востребованности оригинальности: выбивающееся из «массы» – олицетворение человеческого в человеке – «лицо» с обоснованными претензиями на самость всесторонне подозрительно и нетерпимо. Остракизм в отношении неординарности, неконформичности, инициативности не руководствующегося в своих утверждениях правилом (по О. Хаксли) «общности, одинаковости, стабильности» источника активности выказывают все институционально оформленные агенты духовного и практически-духовного. В политике, искусстве, образовании, науке – везде взыскуют податливости, уступчивости, покладистости, согласованности.

Между тем задник последнего – «молчанье и удушье» (И. Бродский), схлопывание гуманитарного, фронтальное обмельчание культуры вследствие внутреннего стеснения.

Назначение культуры – «теплой заступницы мира холодного» (М. Лермонтов) – возбуждать человеческое свободным развертыванием, созданием условий его самопрогресса инициированием самотворчества.

Закабаление соглашательством некомпенсируемо. Всеобщее же побуждение пассивного принятия наличного *status quo* сугубо подменяет «поэзис» «мимезисом», продукцию – репродукцией, созидание – подражанием, штамповкой, копированием. В царстве льда, где не горит огонь, не возникает предпосылок взрыва. Культура как взрыв отменяется дегенерированием в непритязательное, обильно сдобриваемое *money making affairs*, тривиальным ангажированием, конъюнктурным лоббированием предприятий по привитию рассеянной миметической лени с введением населения в режим равнодушной самоуспокоенности. Не склонный к турбуленции деятель культуры пестует общество; склонное к ламинарности общество («как стих без мысли в песне модной» – А. Пушкин) пестует прирученного деятеля культуры;

– *деинтеллектуализация*: осмысливаемый Х. Ортегой-и-Гассетом феномен «восстание масс» – расчеловечивающее омассовление жизни, невзирая на многопрофильность тактического воплощения, одномерно в плане жизневоспроизводительной стратегии, подчиненной доминанте хищного консюмеризма – бездумного наращивания глобально не обеспеченного материального достатка.

Избегая в данном месте освоения острого сюжета адекватности проектирования планетарного существования диспозициями неограниченного потребления [Ильин 2007], акцентируем ту характерную особенность, что омассовление чего бы то ни было как таковое, снижая качественные кондиции выпускаемого конечного продукта, влечет уменьшение его интеллектоемкости. При всей кажущейся парадоксальности суждения кризис нашей просвещенной эпохи суть кризис интеллектуальности.

Интеллектуальное просветительство во время оно Кант уподоблял помочам – облегчающим хождение подпоркам, без использования коих невозможно на-

учиться ходить на собственных ногах [Кант 1966]. В текущий момент истории интеллектуалы – носители критико-аналитического, инновационного потенциала – как минимум вызывают настороженность, а как максимум – купируются, вытесняясь на периферию захвативших жизненное пространство восставших темных масс.

Восстание масс в наши дни обретает плоть борьбы с оригинальностью – противостоящей самоуспокоенности самобытностью, которой одинаково страшатся и переставшая быть рациональной, читай: интеллектуальной (по Г. В. Ф. Гегелю – М. Веберу), бюрократия, и тем более никогда не обладавшие рациональностью, читай: интеллектуальностью, люди «с улицы». И «крапивное семя», и «улица» плотно сбитой фалангой сплачиваются против «образованных», чья интеллектуальная компетенция блокируется своевольной вседозволенностью. В прошлом веке (со слов Ж. Маритена) наборщики – люди «с улицы» – отказывались готовить к печати рукописи неугодных им авторов; в веке настоящем функционеры-псевдоинтеллектуалы ставят мысль под запрет изощренным «конфликтом интерпретаций». (Философскую апологию дезавуирующего антиинтеллектуализма проводит постмодернизм, в духе недопустимого доктринального эпатажа легализующий *chûte complète* рациональной культуры. Если озабочиваться технологической подкладкой данного процесса, правильно указывать на виртуальные ресурсы невзаимозаменяемых токенов – NFT – с абсурдной условностью закрепления прав [владения] на произведения; в цифровой реальности понятие «оригинал», подвергаясь эрозии, становится идентичным любой «копии»; не допускается различий между рассказом и пересказом, постановкой и ремейком, основным и производным, первичным и вторичным. Куда как не симуляционное, реплицированное – сюрреалистичное деинтеллектуализированное существование в модусе «казаться», а не «быть»!)

Неутешительное резюме феноменологических данных деструктивных мега-тенденций текущей жизни сводится к констатации усиления пафоса десакрализирующей гераклитовской космологии: мир, лишенный богов, продолжает лишаться святости. Бесконечно прав М. Хайдеггер, утверждавший: беда нашей эпохи – закрытость к священному.

Способом бытия человека в современном мире пребывает тлетворное «лишение»: человек утрачивает исконную природную атрибутику – денатурализация; человек утрачивает исконную гуманитарную атрибутику – дегуманизация. Проматривается тотальная некомпенсируемая «растрата Я» (С. Кьеркегор), представляющая универсальную катастрофу.

Планетарная катастрофа. Как с ней бороться?

По прозорливой рекомендации М. Вебера, надлежит озаботиться услышанием верховного «призыва» [Вебер 1990]. Какого именно? В намечаемой высокой доктриной некой положительной повестке обращают на себя внимание платформы:

– экологизм: императивное благоговение перед жизнью как *summum bonum*. Отдавая дань искренности бескорыстию адептов программы (от А. Швейцера до Н. Моисеева), укажем на такие ее непроработанные пункты, как утопичность «зеленой» стратегии живневоспроизводства; нереализуемость стратагем устойчивого развития (по крайней мере, в редакции Г. Брундтланд); отсутствие (пока?!) четких правил согласования био- и техно-, социо-, антропоритмов в потребляюще-истребляющей веществе природы производительной деятельности;

– амитологизм: в представлении многочисленных зилотов позиции (в прошлом веке – П. Сорокин, М. Шелер, Л. Бинсвангер и др.) любовь – «ответ на проблему человеческого существования» [Fromm 1962]. Учитывая практическую статью нашей цивилизации, инвестирующей в материальный, а не духовный комфорт, понятный пафос линии для (пока?!) не дозревшей до нее популяции проходит преимущественно по части дезидератов;

– традиционализм: окормление человечества силой «живой традиции» [Генон 2008]. Неразрешимую головоломку представляет оксюморонный принцип сочетания предлагаемого. В типологии статусных ролей «традиционность» – архаичность, исключая «живость»; в типологии конфессиональных ролей «традиционность» – неререформированность, то есть догматичность, косность, антимодернизационность: для конфессиональной традиционности всякий модерн – «соблазн и святотатство». Контрадикторный характер образования признаков группы в предикации исключает наведение моста от сакрального к профанному (не говоря о сознательном гражданском эскапизме поборников традиционных символов веры, чурающихся вмешательства в суеты мирские, – драматическая ситуация вокруг Киево-Печерской лавры образца 2023 г.).

Нужная высота не берется вырабатываемыми усилиями; рефлектирующее сознание не наполняется вождельными смыслами, выказывая, используя слог М. Горького, печальное бессилие философии перед лицом реальных жизненных затруднений [Горький 1951].

Причина? Исчерпавшаяся коннексиология.

Прошлая философия кризис существования версифицировала апелляцией к несовершенной природе человека (ресурсом случайной выборки):

– Т. Гоббс: эгоистическое существо агрессивного сапиента, вовлеченного в войну всех против всех;

– К. Гельвеций: себялюбивость неуступчивого *homo*;

– Ж.-Ж. Руссо: врожденность враждебности;

– Ч. Ломброзо, З. Фрейд: физиолого-либидозная задетерминированность поведения, *etc.*

Между тем человек – не средоточие античеловеческих резервов хаоса; в зависимости от обстоятельств он – разный: хороший и плохой, добрый и злой, альтруистичный и эгоистичный. Не может быть всесторонне-односторонней (оксюморон) антропологии, тем более нажимающей теньевые черты человеческого характера и склонностей.

На данном резоне правильно, сменив сектор обзора, проводить тематизацию обязывающего сюжета апелляцией к несовершенству созидания человеком природы. Суть в следующем.

Если и «Великий архитектор» (Г. Лейбниц) – всеблагой, всезнающий, всесовершенный Всевышний – при сотворении мира допускает досадные промахи, обрекая сущее фактами физического и морального уродства, что говорить об «архитекторе малом» – человечестве, которое с индустриально-технологической революции, рядясь в тогу создателя, выпускает далеко не качественные продукты общего пользования.

Проблематика теодицеи последовательно перетекает в проблематику антроподицеи: апология божьего дела преобразуется в апологию человеческого дела, трактовка праведности удела Творца заменяется трактовкой праведности удела

Рода. Здесь – казус, проблематизирующий упование «праведный верою жив будет» [Рим. 1:7]. Верой – во что? Вопрос в этом.

Осмысленное движение в вопросе начнем с уточнения линии Маркса: вторая искусственная (антропоемкая) природа суть овеществленная сила знания [Маркс, Энгельс 1968]. На фоне острейших диссонансов функционирования порожденной приложениями науки техногенной цивилизации экспликация генологии овеществляемой силой знания реальности выглядит недостаточной. В ней не хватает святости. Не той, о которой повествовали изгнанники с «философского парохода» [Ильин 2022–2023], ставящие на культивацию священства в себе, но той, которую следует демонстрировать самореализацией рода. Не молитвой и постом изгоняется несправедное [Мф. 17:21]; изгоняется оно аксиологизацией жизнедеятельности.

В таком курсе видения, поскольку в человеке столько человеческого, сколько общечеловеческого – родового, известная социальной и политической философии теория социального действия (М. Вебер, Т. Парсонс, Ю. Хабермас) должна быть преобразована в теорию человеческой деятельности.

Что дает сдвиг с одного на другое?

Действие как однократная рационально расчисленная целенаправленная акция конституируется логикой достижительных усилий в партикулярном локале. Репер действия – цель и надлежущая оперативная экипировка ее реализации. Генеалогия целей в локальном исполнении лишена признаков всеобщей легальности. Посему Вебер, делая изъятие из аргументации, комбинирует откровенно дезориентирующими фигурами «выбор демона», «честный выбор» (где в идеале следует быть верным себе, честным перед собой. Подступает риторическое: перед собой – кем? Святым, святотатцем; правдоискателем, лжепророком?)

Как напоминал А. Вертинский, «даже светлые подвиги» могут быть только ступенями «в бесконечные пропасти к недоступной весне».

Отсюда – нелицеприятная, но вынужденная импликация: реализация цели в локальном действии может быть рационально расчисленной, но нецелесообразной. И в предельной генерализации: рациональное удостоверение цели ввиду «чистоты» расчисляющего «разумного устройства» востребует критики и дополнительного оправдания. Как показали изыскания немецких философских классиков, человеческий разум, к нашему несчастью, узок, то есть инструментален, техничен в отношении человекаразмерной тематики; нуждается в практическом применении сверхситуативного руководства – гуманитарном обременении.

Последнее и есть привитие святости в согласовании целеустремленного действия с ценностно устремленной деятельностью.

В немногих словах уточним предьявляемую позицию. Дозволительная цель – согласующаяся с благополучием, совершенной формой всечеловеческого общежития [Паульсен 1906]; иначе говоря – ценностью.

Локальные цели действия уникальны; тотальные ценности деятельности (повторим: фиксирующие совершенные формы всечеловеческого общежития) – универсальны. Поглощая уникальное, универсальное в режиме преднастраивающей диспозиции когерирует персональные действия с устоями родовой деятельности.

В качестве итога – самоутверждение человека не просто как рационального существа, но как рационального родового существа, которое, по К. Марксу, «относится к роду как к своей собственной сущности» [Маркс, Энгельс 1956].

Конкордия действия с деятельностью, индивида с видом, лица с родом как принцип самоутверждения достойного *homo aestimator* всецело редактирует традиционную теорию интеракции.

Сдвиг с действия на деятельность, активируя использование идей предельных отношений (в первую очередь – аппроксимативности, асимптотичности), позволяет встраивать преходящие состояния в непреходящий процесс, усматривая в вариантном (преходящем) неограниченном приближении к некоему инвариантному (непреходящему) как искомому постоянному значению, на которое проецируется «устремление».

В регулятивной реконструкции – уникальное действие, обременяясь терминальным образом универсальной деятельности, включается в «направление», выражаемое понятием «приближения» к аксиологически детализируемому интегральному «совершенному». Концепты «приближение», «близость», конечно, требуют дополнительных уточнений, но не теряют содержательности в общей схеме моделирования самореализации человека как «контекста», причастного «тексту», «части», принадлежащей «целому», бесконечно малого звена бесконечно большой цепи, обладающей внутренней связностью, сопряженностью, конформностью.

Встраиваясь в «направление», человек поступает локально, но незаведомым образом (по причастии общеродовому) ведет себя глобально!

В более формальном выражении капитальное для рассуждений соображение «направление» детализируется пояснением: группировка S произвольных подмножеств (поступки, акты, акции, действия) какого-то множества X считается «направлением», если для каждой двух выборок (A, B) из S выполняется включение $A \subset B$ или $B \subset A$. Говоря строго, действия человека могут быть любыми (в том числе «бесчеловечными»), но, принадлежа «направлению», *volens nolens* оказываются человеческими. Так – вследствие причастности предельным общеродовым отношениям.

Непосредственно волнующий философию глобальных явлений вопрос – как достичь этого?

Доктрина снимает его тематизацией самозаявлений *homo aestimator*. В наиболее компактной символической записи дело выглядит так: устремление индивида на надындивидуальное, человеческого на общечеловеческое передается образом: (а) – предела последовательности $\{X_n\}$ $n = 1, 2, \dots$, если для любого ε обнаруживается любое N , для которого при $n > N$ обеспечивается неравенство $(x_n - a) < \varepsilon$, что и означает «устремление», «направление» $x_n \rightarrow a$.

Абстрактный (доктринальный) образ задан. Каково его фактическое наполнение?

Используя соображения современной логики возможных миров, вводящей (С. Крипке) триаду: W – возможный мир; W_0 – действительный мир; R – базовый способ связи W с W_0 , содержательно эксплицируем нужное нам R .

Итак, в возможном мире W допустимо ничем не ограничиваемое произвольное (волюнтарное) не-, анти-, псевдо-, квази-, пара-, сверхчеловеческое, – любое («белокурая бестия» «отец народов», «улыбка без кота», «дырка от бублика», *etc.*). Назначение W – демонстрировать полет фантазии, неумность имперфектной природы человеческого гения, превосходящего себя и мир (М. Шелер, Ж.-П. Сартр) воображительным взрывом [Ильин 2018]. Избегая феноменологии,

упорядочим модельное проектирование, программирование «роевой» жизни в эссенциальную дихотомию:

– филантропия: сценографии – «вечный мир» [Кант 1966]; «чистый», «идеальный человек» [Шиллер 1957], желательность «быть» сопоставительно с нежелательностью «иметь» (Ж.-Ж. Руссо, С. Кьеркегор, Э. Фромм);

– мизантропия: сценографии того же континентального (европейского) эгоизма – «золотой миллиард» (с обслуживающими выведенными производствами); “the West against the rest”; «сад – джунгли»; неумного активизма – «не ждать милостей от природы, взять их – наша задача».

Непоправимый изъян первого – отсутствие трансмиссии – полное невнимание к способу перевода возможного (W) в действительное (W_0). Однако же сила идей – в их обмирщенной силе, создающей практически предпосылки «радостного любования бытием» (Н. Гумилев).

Неизлечимый недуг второго – надутое самодовольство агентов *celebrating life*, в мрачном полете валькирий распределяющих блага еще не поверженных *untermensch* и предающих забвению: воздух раздувает огонь, но огонь изничтожает воздух; находясь в одной лодке, нельзя идти параллельными курсами.

Сказанное многократно усиливает необходимость продумывания контента современной глобальной ситуации, определяемой форсированным слиянием двух форм объективного процесса – природы и целеполагающей деятельности человека в единый антропо-техно-соционатурный процесс с доминированием деятельности как фактора *prima*. Центр тяжести перемещается на R – способ связи W и W_0 в устроении мира.

Заинтересованное, бережное преобразование планетарного (в последующем вселенского) тела, по-нашему, производится по ценностно выверенным канонам R – обоюдостороннему природо- и культуроподобному зодчеству. Одно и другое – перспективные программы сбалансированного созидания действительности *homo aestimator*, налаживающего масштабные преобразования по конкордии регулятивных фигур ценностного мира *Wertswelt* с антропоемкими фигурами ближайшего *Umwelt*, жизненного *Lebenswelt*, природного *Waturwelt*, технического *Technischwelt*, человеческого *Menschwelt* миров.

Природоподобие. Набор предписаний к техноморфизму (его ядру – комплексу прорывных авангардных нано-, био-, инфо-, когно-, социотехнологий, NBYCS, абсорбирующему креативный потенциал постиндустриальной цивилизации), функционирующему в режиме *natura naturans* – полномочного орудия аутопоэзисного конструирования реальности [Ильин 2018].

Если классическое (до XX в.) и неклассическое (с XX в.) природознание концептуально осваивало объективное сущее, то неонеклассическое (с XXI в.) природознание возымело способность конструктивной самосборкой «снизу вверх» производить его, выпуская новые материалы, неведомые прошлому вещные элементы среды обитания (от нанопорошков, нановолокон до фуллеренов и т. п.).

Сближение естественного и искусственного в программировании материи с заданными свойствами очерчивает магистраль нетрадиционного морфогенеза, где человек доподлинно становится *creator mundi*.

Возникает нетривиальная проблема его *vis genetrrix*. Сообразно развертываемой доктрине идеологии природоподобия [Ковальчук 2021] законный порядок скрепления естественного с искусственным достигается в кильватере природо-

адаптивного развития, посредством организации деятельности по принципам эволюционно оправданного морфогенеза (законы простоты, красоты – пропорциональность, симметричность, соразмерность, гармоничность, эквивинальность и т. д., – положенные во главу созидания неорганических и органических структур).

Культуроподобие. Равным образом произведение антропной реальности, социосферы – *materia humana* – протекает по санирующим лекалам гуманитарно оправданного устроительства. Во всех своих починах (в языке деонтологии) *homo artifex* руководствуется требованиями культуурофилии, стимулирующими приоритетное развитие человеческого капитала, экономики знаний, высокой духовности. Некая параметрическая размерность фигур межиндивидуальной коммуникации в виде изучаемых историологией специфических пропорций, фаз, циклов, ритмов группового обмена деятельностью [Ильин 2003] задается императивами фундаментальных социальных констант (ФСК), встраивающих в «направление», нацеливающих на реализацию терминальных сверхцелей индивида и вида – гарантийное выживание [Ильин 2001].

Красота в природе – функция *a posteriori* – по испытанию (отбор); красота в культуре – функция *a priori* – по намерению (экстраполяция).

По выражению В. Белинского, человечество хочет владеть немногим, но сокровищем истинным [Белинский 1953], а именно: единым глобально гармоничным аксиологически выверенным планетарным контуром. Кратчайший путь к его учреждению – ценностная консолидация мира, который, по аналогии с квантовомеханическим принципом несепарабельности, не может ни существовать, ни осваиваться несолидарно.

Корневая проблема нашего кризисно-критического времени – утрата смысла общечеловеческого, родового, сообщественного вершения истории, ненасильственной пролонгации жизнеспособной деятельности.

Внутренняя форма концепта «смысл» навеивает: «с – мысл», – увязывая содержательный и мысленный моменты, – подводит к: «существовать осознанно». Как и подобает представителям высшей сферы мироздания – носителям *ratio* – сапиентам. Между тем – в качестве заинтересованных агентов жизнеспособного производственного процесса – вынужденно констатируем прямо противоположное: в нашем цивилизационном локале с непонятной неотступностью упрочается некий абсурдный тип социально-философской и политической семантики с перверсивным заданием смысла под фирмой «безрассудно-безмысленного существования».

Вообще говоря, эпатажным самонепониманием человечество не удивить. Много ли понимало о себе возгордившееся человечество,

– еще в древности вызывавшее гнев богов, для острастки инициировавших братоубийственные междоусобицы (сюжетика «Киприй»);

– или в приближенные к нам дни выпускавшее отчаянные манифесты «абсолютного мятежа» (Лотреамон, Ф. Маринетти, В. Хлебников, отчасти Г. де Торре)?

Принципиально – досадное разделение внутри души фиксировал И. Бунин: чужая душа потемки? «Нет, своя собственная гораздо темнее»; К. Леви-Стросс вторил ему: «...мы делаем все возможное и невозможное, чтобы себя не понимать». Однако же не до такой степени, чтобы устами официальных лиц на уровне глобальной философии декларировать курс изничтожения себе подобных (преимущественно из числа русских). Вспомнить Пальмерстона: как тяжело жить

в мире, когда с Россией никто не воюет; нынешних государственных террористов из Киева, Лондона, Вашингтона, напрямую призывающих убивать русских.

Перед нами – преступная гордыня, востребующая немедленного всестороннего *dignus vindice nodus*, способного приструнить зарвавшихся самонадеянных авантюристов. (Как говорил Т. Мор, «правитель и наставник всякой погибели – гордыня».)

Если бы только боги внимали голосу разума, сподвигающего на осмысленное – осознанное существование.

Со времен Гегеля известно: ответ на вопрос, который не способна снять философия, должен быть переформулирован. В текущий момент своей многострадальной истории человечество вступает в обязывающий кайрос, движение в котором предполагает необходимость выработки адекватного самопонимания, обновления, переформатирования переставшей быть «самосознанием эпохи» традиционной социально-политической глобальной философии.

Камертоном служит простое соображение: нагнетание конфликтности в планетарном обмене деятельностью более недопустимо.

Отсюда – отход от платформы фанатичного насилия, превосходства и преобладания, миссионерско-мессианских мотивов; цивилизационно диверсифицированное сообщество народов вне претензий на мировую гегемонию, политическое доминирование с договорным союзничеством и сотрудничеством на паритетной основе – цель и средство выстраивания нового мирового порядка (МП).

Искомый МП оформляется отказом:

– тактически: от неокOLONиализма – неэквивалентного межгосударственного взаимодействия по принуждению;

– стратегически: от близорукой линии *contraria sunt complementa*.

В глобальной ядерной ситуации противоположности перестают быть дополнением, интенсифицируя подозрительность, ввергая в затратные пикировки, из которых – при неминуемости невосполнимых потерь – никто не выходит победителем.

В доктринальном отношении – на высоком смысловом уровне – провозглашается поворот от диалектики к аналектике (учение о гармонизации) и каталектике (учение о родовом призвании), – паушально – к аксиологизированной теории самопрогресса общества через призму самопрогресса сообществ.

Государства, союзы, блоки государств – более не средоточие (тем более «высшего») смысла, разума (наивный этатизм панлогизма). Средоточие их – человечество, гарантийные перспективы его выживания. Неслучайно возвещал Апулей: *sigillatim mortales, cunctim perpetui*.

В сиюминутных корыстных порывах ценности человеческого единства заслоняет интерес – корпоративный, национальный, региональный; следует же обратиться и к ценностям общеродового солидарного блага, – в чем завет и спасение. Как в песне группы «Секрет»:

И пришел тот час, когда встал вопрос:

Либо деньги всерьез, либо счастье всерьез.

Дабы почва окончательно не ушла из-под ног, со всей ясной взыскательностью можно настаивать: поскольку сумеречный регулятор эгоистическим «интересом» окончательно себя исчерпал, закон интереса – *loi d'intérêt* (Т. Рибо) требуется заменить законом ценности.

Как точно высказывался Дж. Дьюи, измените восприятие людьми ценности существующих политических сил и форм, и последние изменятся [Дьюи 2002].

Конечно, аксиологизация философии существования, выражающаяся в привитии обширных знаний, гуманитарной готовности сообразоваться с общеродовыми правилами общежития, ни на йоту не прибавит человеку изначальной одаренности, зато повысит тот общий уровень, на котором функционирует совокупный разум общества [Дьюи 2002], и тем самым приобщит всех к возделанному состоянию осмысленно-разумного всецело человеческого существования.

Литература

- Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 1. М. : Изд-во АН СССР, 1953.
- Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М. : Постум, 2015.
- Бубер М. Два образа веры. М. : Республика, 1995.
- Вебер М. Избр. произведения. М. : Прогресс, 1990.
- Генон Р. Кризис современного мира. М. : Эксмо, 2008.
- Горький М. Собр. соч.: в 30 т. Т. 14. М. : Гос. изд-во худ. лит-ры, 1951.
- Дьюи Д. Общество и его проблемы. М. : Идея-Прогресс, 2002.
- Ильин В. В. Новый миллениум для России: путь в будущее. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2001.
- Ильин В. В. Философия истории. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2003.
- Ильин В. В. Мир globo: вариант России. Калуга : Полиграф-Информ, 2007.
- Ильин В. В. Теория познания. Философия как оправдание абсолютов. В поисках *causa finalis*. М. : Проспект, 2017.
- Ильин В. В. Теория познания. Эвристика. Креатология. М. : Проспект, 2018.
- Ильин В. В. Теория познания. Критика инструментального разума. *Speciosa micaula*: тотальный мировейник. М. : Проспект, 2020.
- Ильин В. В. Философия кризиса. Человечество на пороге катастрофических перемен. М. : Проспект, 2022.
- Ильин В. В. Интеллигенция в национальной истории: к 100-летней годовщине «философского парохода», ч. I–IV // Российский гуманитарный журнал 2022–2023. Т. 11(4); 11(5); 11(6); 12(1).
- Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 6. М. : Мысль, 1966.
- Ковальчук М. В. Идеология природоподобных технологий. М. : Физматлит, 2021.
- Манн Т. Собр. соч.: в 10 т. Т. 8. М. : Гос. изд-во худ. лит-ры, 1960.
- Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1956.
- Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. Т. 46. Ч. II. Экономические рукописи 1857–1859 годов. М. : Букинист, 1968.
- Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. Т. 42. Экономическо-философские рукописи 1844 года. М. : Букинист, 1974.
- Ортега-и-Гассет Х. Тема нашего времени // Самосознание европейской культуры XX века: Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе / сост. Р. А. Гальцева. М. : Политиздат, 1991. С. 264–267.
- Паульсен Ф. Основы этики. М. : Прокопович, 1906.
- Шиллер Ф. Собр. соч.: в 7 т. Т. 6. М. : Изд-во худ. лит-ры, 1957.
- Fromm E. *The Art of Loving*. New York, 1962.